

В марте зазеленела трава, в апреле небо заполонили иволги. За Восточным морем на протяжении десяти миль раскинулся персиковый сад в пышном цвету.

Небесный клан и клан девятихвостых лис из Цинцю вскоре должны были заключить союз. Дни проходили за днями в спорах между старейшинами кланов. И вот в один из первых дней года, после двухсот двадцати трех лет напряженных размышлений они, наконец, пришли к решению.

Тщательно выбранная дата выпала на конец весны, как раз во время сезона цветения персиков.

Два человека, которые, наконец, поженились после злополучного испытания длившегося более двухсот лет, были никто иные, как наследный принц Е Хуа из Девяти Небес и госпожа Бай Цянь из Королевства Цинцю.

Мир давно ждал, чтобы отпраздновать эту новость. Памятуя о стиле старого Небесного Владыки, народ предсказывал беспрецедентную экстравагантность и роскошь в такой счастливый для этой пары день. Всё должно было быть идеально, и люди гадали, не в силах представить, как еще Тянь Цзюнь будет подчеркивать свою царственность.

Тем не менее, когда огромная процессия со стороны жениха появилась на берегу озера Ваньшэн, что у горы Юйцзэ, дабы ступить на территорию Цинцю, Ми Гу Сяньцзюнь, который ждал на другой стороне озера с полотенцем в руке, подумал, что, возможно, он недооценил Небесного Владыку.

Свадебная процессия была не просто грандиозной, она была чрезмерно грандиозной, такой, что дух захватывало!

Ми Гу Сяньцзюнь всегда был приближённым Бай Цянь и в Цинцю пользовался особой репутацией. Было кое-что, в чем он, естественно, был осведомлен лучше прочих, будучи долгое время своим в этом королевстве.

По традиции, принятой на Небесах, жених не должен был сам приходить за невестой. Эту ответственность всегда нёс кто-то из старших или уважаемых старейшин.

Ми Гу знал, что Мо Юань считается старшим братом Е Хуа. В таком случае вполне разумно, что он, будучи выдающимся божеством большого клана, прибыл со свадебной свитой, чтобы встретить невесту своего брата.

И когда выдающееся божество выходит в свет, его всегда будет сопровождать небожитель высокого ранга, но не настолько высокого! Если Ми Гу не показалось, то этим сопровождающим был Сымин Синцзюнь, бессмертный, ответственный за судьбу человечества, тот, кто вдыхал чернила вместо еды еще при старом Императоре Южного полюса [1]. Хм, даже это можно считать разумным.

Что касается легендарного дракона, шагающего перед Сымином, которого годами можно было искать и всё равно не в силах поймать за хвост, это был третий сын Небесного Владыки - Ляньсун Шэньцзюнь, по совместительству третий дядя наследного принца. Хотя казалось, что ему нечего делать в этой процессии, нельзя было винить его за то, что он пришел на праздник.

Ми Гу потратил полдня на размышления и нашел причину, почему эти три благородных божества одарили их своей Небесной аурой.

Но пепельноволосый господин в пурпурной мантии рядом с Мо Юанем, знаменитый

отшельник, тот, кто лишь в критической ситуации покидал Девять Небес, тот, кто только иногда появлялся на картинах, тот, кто никогда не заботился о молодом поколении, почему Владыка Дунхуа также был частью свадебной процессии?

Ми Гу ломал над этим голову, но так и не смог придумать ни единого объяснения.

Даже у Ми Гу, стоявшего по другую сторону озера, зрение от этого небывалого зрелища было затуманено.

Ряд за рядом с благородной аурой и невиданной помпой небожители останавливались рядом с заливом Юэя. Процессия, казалось, не хотела сразу пересекать эти воды и вместо этого разбила лагерь на берегу. Группа молоденьких прислужниц, замыкавших шествие, вышла вперед и, рассеявшись по берегу, они начали готовить угощение для божеств.

Мягкий ветерок обдувал водную гладь озера Ваньшэн. После дождя, словно в последний раз вдохнув жизнь поздней весны, из светло-зеленых почек медленно распускались цветы. Хотя было уже поздно, трудно было не восхищаться пейзажем.

Третий принц Небесного Царства, он же третий дядя жениха, Ляньсун, со скукой водил пальцами по краю чашки. Уставившись пустым взглядом в листья чая на дне, он лениво начал беседу с сидящим рядом Сымином.

- Перед отъездом я слышал, что в Цинцю есть две королевы. Помимо Бай Цянь, на которой женится Е Хуа, есть еще одна, помоложе?

Каким бы низшим божеством ни был Сымин по сравнению с Дунхуа Дицзюнем, ему посчастливилось быть столь же известным, потому что на Небесах было только две ходячие энциклопедии, с той лишь разницей, что Дунхуа Дицзюнь был ходячим руководством по буддизму, а он - ходячим сборником сплетен. Он знал тайны любой семьи на три поколения вперед.

Этот ходячий сборник слухов, сопровождавший свиту длиною в десять миль, все утро вел себя очень серьезно. Наконец-то у него появилась возможность открыть рот. Несмотря на нетерпение, он придал своему лицу благоразумное выражение, вежливо сложил руки и, когда все правила этикета были соблюдены, медленно заговорил: «В Цинцю действительно есть две королевы, и младшая является единственной внучкой семьи Бай. Говорят, она помесь белой и алой лисицы. Она - единственная девятихвостая рыжая лиса на всей Земле, известная как Ее Высочество Фэн Цзю. На Небесах есть пять территорий и пять повелителей. Королевство Цинцю также имеет пять областей и пять правителей. Поскольку госпожа Бай Цянь рано или поздно должна была вступить в брак с представителем клана Небес, она передала верховную власть Цинцю Ее Высочеству Фэн Цзю двести лет назад. Когда она заняла эту должность, этой юной особе было всего 32 000 лет. И все же Бай Чжи позволил ей носить мантию Цинцю. Она так молода, но уже обладает таким высоким статусом. Но... есть ещё кое-что интересное».

Когда юная бессмертная налила им еще чаю, он сделал паузу. Воспользовавшись поднимающимся от чая паром, он украдкой бросил взгляд на Дунхуа Дицзюня, который сидел поблизости.

Ляньсун, казалось, заинтересовался. Он махнул рукой и улыбнулся уголками глаз: «Продолжай».

Сымин кивнул и, подумав, продолжил: «По правде говоря, я давно знаю Ее Высочество Фэн Цзю. В то время ей было всего двадцать тысяч лет, и она держалась поближе к Повелителю

Бай Чжи. Поскольку она его единственная внучка, ее с детства обожали и баловали, что сделало ее характер очень озорным. Ни одна шалость не проходила без ее участия. Даже меня она пару раз дразнила. Однако... более двухсот лет назад так вышло, что она спустилась в царство мертвых. Вернувшись оттуда через несколько десятилетий, она вдруг стала гораздо серьезнее. Говорят, в день ее возвращения на ней была траурная одежда. Теперь, когда прошло двести лет, она выросла и когда-нибудь унаследует трон. Для Бай Чжи естественно волноваться, что у нее нет кого-то, кто помог бы ей в делах королевства. За последние сто лет он выбрал для нее несколько кандидатов в мужья. Но она...»

«Она что?» - с интересом спросил Ляньсун.

Сымин покачал головой; его глаза, казалось, невольно скользнули мимо Дунхуа Дицзюня.

- Ничего особенного. Она лишь настаивала, что уже замужем. И хотя он умер, она больше не выйдет замуж. Я также слышал, что за последние двести лет не было ни одного дня, когда бы она сняла с волос белую заколку; не было ни одного момента, когда она сняла бы траурную одежду.

Ляньсун подпер щеку, прислонился к каменной скамье и лениво протянул: «Теперь, когда вы упомянули об этом, я припоминаю один случай 70-летней давности. Говорили, Цан И Шэньцзюнь с горы Чжиюэ обзавёлся невестой. Это как-то связано с Цинцю?»

Сымин на мгновение задумался. Прежде чем он успел ответить, мастер Мо Юань, уже долго безмолвствующий, заговорил первым. Его голос звучал четко и ясно: «Дело в том, что Бай Чжи хотел отдать руку Фэн Цзю Цан...»

«Цан И» - подсказал ему Сымин, и Мо Юань продолжил.

- Да, Цан И. Они связали Фэн Цзю и бросили ее в паланкин. Фэн Цзю не желала выходить замуж, поэтому, когда наступила ночь, она просто разрушила дворец горы Чжиюэ.

Он сказал «просто», как будто дворец был сделан из ветра и облаков; это сильно нервировало Сымина. Он не был знаком с этим периодом истории. Если Мо Юань продолжит, бесчисленные повороты и изгибы сюжета тут же начнут выползать наружу.

- Эм...

Ляньсун с улыбкой поднял веер. Он сел и со всей серьезностью повернулся лицом к Мо Юаню.

- Вы правы, - сказал он. - Я помню, кто-то говорил мне, что в том году вы отвечали за церемонию. Но легенды гласят, что Цань И Шэньцзюнь был по-настоящему влюблен в ту самую леди, которая разрушила его дворец, в жену, на которой он так и не женился. Восстановив свой дворец, он повесил портрет Фэн Цзю и, глядя на него каждый день, тосковал по ней.

Больше Мо Юань ничего не сказал. Сымин вздохнул: «И все же безответная любовь - это одно, а неосуществленное желание - совсем другое. Я также слышал, что госпожа Цинь с горы Чжунху однажды заметила четвертого брата верховной богини Бай Цань, Бай Чжэня. Она была настолько бесстыдна, что даже пыталась украсть его у верховного божества Чжэ Яня».

Блестящие от дождя цветы покачивались на ветру. Выдающиеся божества сидели с подобающим видом, пили чай, отдыхали, наслаждались пейзажем и слушали рассказы из энциклопедии Багуа [2]. Юные бессмертные не знали, как себя вести, однако были в восторге

от того, что слышали такие секреты. Но поскольку они не осмеливались вести себя неприлично, то могли лишь переглядываться. На берегу Ваньшэн воцарилась приятная атмосфера, и множество глаз так и блестели на ветру.

Молодая бессмертная заботливо протянула Сымину чашку чая, чтобы он прочистил горло. Неторопливо убрав с поверхности две чайные крошки, его взгляд остановился на набежавших на берег волнах, а затем вновь вернулся к Дунхуа Дицзюню. Он задумчиво сдвинул брови.

Ляньсун повертел чашку в руках и рассмеялся: «Сымин, что у тебя сегодня с глазами? Почему ты неводишь взгляда с Дунхуа?»

В двух метрах от него Владыка Дунхуа отставил чашку и приподнял голову. На лице Сымина отразилось смущение, и он нервно рассмеялся.

Бум. Внезапно с поверхности воды поднялась гигантская волна.

Когда десятиметровая волна рассеялась, сверкая в утреннем свете у залива Юэя, из воды вышла красивая девушка, одетая в белое.

Ее алебастровые руки контрастировали с иссиня-черными волосами, на которых блестела белая с цветком шпилька. Казалось, ее одежда была сделана из непроницаемого материала, так как с ее тела не упало ни капли воды. Она стояла на ветру с беззаботным видом, но ее волосы цвета воронова крыла были мокрыми, а несколько прядей прилипли к лицу. От нее исходил ледяной холод, но в уголках глаз затаилась смешинка. Она одарила слегка натянутой улыбкой Сымина, который только что говорил с таким пылом.

Любитель почесать языком судорожно схватил чашку, пытаясь закрыть ею лицо.

«Твое лицо слишком большое, чашка не годится. Используй это» - сказал Ляньсун, протягивая ему веер.

Сымин с несчастным видом опустил на колени и растянул губы в болезненной улыбке.

- Я не знал, что Ваше Высочество Фэн Цзю купается здесь. Это было неосторожно с моей стороны. Пожалуйста, подумайте о нашем многолетнем знакомстве и простите меня.

Мо Юань посмотрел на Фэн Цзю: «Что ты делала в глубине озера, пряталась?»

Стоя в своем белоснежном одеянии в луже воды, Фэн Цзю, потупившись, ответила: «Я упражнялась».

- Тогда зачем поднялась? - Мо Юань улыбнулся. - Пыталась напугать Сымина?

Фэн Цзю сделала паузу, затем, окинув взглядом Сымина, который стоял на коленях на земле, спросила: «Ты только что упомянул что-то о леди Цинь с горы Чжунху, ей действительно нравится мой дядя?»

---

[1] Император долголетия Южного полюса - один из четырех даосских небесных глав. Фраза, что Сымин ест чернила вместо еды, означает, что он пишет, чтобы жить.

[2] ☯ (Багуа) - это восемь триграмм, перен. сплетни

<http://tl.rulate.ru/book/32932/715116>